

УДК 94(47).(479.24).(479.25)

**К ВОПРОСУ О РОЛИ АЗЕРБАЙДЖАНА В ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В 20-30-е ГОДЫ XVIII ВЕКА**
(на основе современной российской историографии)

Марзия Сабир гызы Искендерова
Института истории им.А.А.Бакиханова НАНА
kazimovar@mail.ru

Ключевые слова: Южный Кавказ, Пётр I, прикаспийские области, российская историография, имперская политика

**XVIII ƏSRİN 20-30-CU İLLƏRİNDƏ RUSİYA DÖVLƏTİNİN
SİYASƏTİNDƏ AZƏRBAYCANIN ROLU
HAQQINDA MƏSƏLƏYƏ DAİR**
(müasir Rusiya tarixşünaslığı əsasında)

Mərziyə İskəndərova

Açar sözlər: Cənubi Qafqaz, I Pyotr, Xəzəryanı vilayətlər, Rusiya tarixşünaslığı, imperiya siyasəti

Məqalədə müasir Rusiya tarixşünaslığının nümayəndələrinin bəzi əsərlərində XVIII əsrin 20-30-cu illərində Rusiyanın Cənubi Qafqaz siyasətində Azərbaycanın yerinin tarixşünaslıq baxımından təhlilinə cəhd göstərilmişdir. Nəzərdən keçirilən əsərlərdə göstərilən dövrdə Rusiyanın məqsədyönlü işğalçılıq siyasətinin bir sıra məqamlarına tarixçilərin yeni və prinsipial yanaşmaları görünməkdədir.

Azərbaycanın geostrateji və geosiyasi vəziyyəti, Rusiyanın bu bölgədə hərbi-siyasi planlarının və hərəkətlərinin mühüm istiqamətləri haqqında Rusiya tədqiqatçılarının ümumi fikirlərinə münasibət bildirilir. Həmin müəlliflər tərəfindən Rusiyanın qeyd olunan dövrdə həyata keçirdiyi siyasətin işıqlandırılması Rusiyanın bütövlükdə regiona, o cümlədən Azərbaycana münasibətdə əsas dominant kimi öz maraqlarından çıxış etməsi haqqında əksər tədqiqatçıların obyektiv mövqeyini açıb göstərməyə imkan verir.

ON THE ROLE OF AZERBAIJAN IN THE POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE 20-30s OF THE 18th CENTURY

(Based on modern Russian historiography)

Marziya Iskenderova

Keywords: *South Caucasus, Peter I, Caspian region, Russian historiography, imperial policy*

The article attempts to analyze the place of Azerbaijan in the South Caucasian policy of Russia in the 20-30s of the 18th century in some works of representatives of modern Russian historiography. In the works under consideration, new and fundamental approaches of historians to a number of issues of flexible and purposeful aggressive policy of Russia in the specified period re revealed.

The community of opinions of Russian researchers on the geostrategic and geopolitical position of Azerbaijan as the most important aspect in the military-political plans and actions of Russia in this region are revealed and is made an assessment. Illumination of the stages of the Russian policy during this period by the authors allows revealing the objective position of most researchers regarding the dominant policy of Russia of its own interests in the region as a whole and in Azerbaijan in particular.

В сложившихся после распада СССР геополитических условиях Азербайджан, как и весь Южный Кавказ, продолжает иметь интеграционное и геостратегическое значение для России и находится в сфере её национальных интересов. Более того, Азербайджан был и остаётся ареной политического и экономического соперничества и ряда других держав, которые также имеют политические и экономические интересы в данном регионе.

А поскольку происходящие сегодня в регионе явления и процессы своими корнями уходят в период XVIII – начале XIX вв., изучение как политической ситуации в регионе, так и сущности политики вышеотмеченных государств, и, прежде всего, России в Азербайджане, а также факторов, влиявших на эти политические процессы в указанный период, является крайне актуальной темой.

Стратегическое значение Южного Кавказа в целом, и Азербайджана - в частности, в значительной степени обусловленное именно их географическим положением предопределило стремление России на разных этапах утвердить своё влияние в политической, торгово-экономической, военной и религиозной сферах жизни региона.

Осуществлялось это разными способами: от захвата территорий до осуществления «покровительства в различных формах, от союзничества до протекторатства» [1, с.23]. Именно политика России в XVIII – нач. XIX вв. оказала серьёзное влияние на дальнейшую судьбу народов данного региона. Поэтому данная тема привлекает внимание современных исследователей, занимающихся изучением содержания, сущности и особенностей российской политики в Азербайджане в указанный период. Получение Азербайджаном независимости, изменения в его геополитическом положении, появление историков-исследователей новой регенерации обусловили необходимость повторного анализа различных аспектов указанной проблемы. В современной российской историографии появился целый ряд работ, посвящённых данной тематике. А это, в свою очередь, делает актуальным объективный историографический анализ этих трудов, с рассмотрением и оценкой новых подходов к ряду вопросов внешней политики Российского государства в Южном Кавказе, в том числе в Азербайджане, в XVIII – нач. XIX вв.

С этой точки зрения определённый интерес вызывает публикация Сотавова Н. и Хадисовой С., которые, говоря о стратегической значимости и выгодном географическом расположении прикаспийских областей, этим объясняют, что регион являлся центром традиционного соперничества России с Ираном и Турцией, а также западными странами – Англией и Францией. Более того, авторы отмечают, что оказался вовлечённым в сферу проблем мировой политики, и делают особый акцент на период Петра I. Они утверждают, что именно в рамках этого периода «с наибольшей эффективностью проявились постоянно действующие региональные геополитические факторы, определяющие диалектику формирования и развития международных отношений на протяжении истории вплоть до наших дней» [2, с.57].

Сотавов, Хадисова отмечают актуальность изучения данного похода в современной историографии, подчёркивая его значимость, как не имевшего «аналога по своим масштабам, количеству задействованных сил, военно-политическим последствиям» [2, с.58].

В работах авторов верно и объективно определяется, что особое место в южнокавказской политике России, благодаря своему геополитическому и геостратегическому положению, занимал Азербайджан, представлявший собой естественный географический транзитный узел [7, с.4-6; 2, с.58].

Большинство авторов, посвятивших свои работы изучению политики России в рассматриваемый период, особое место отводят прикаспийскому походу Петра I. Именно он явился ярким отражением

реализации политических и экономических интересов России к территории Азербайджана.

Среди работ о прикаспийском походе Петра I хочется выделить книгу И.В.Курукина «Персидский поход Петра Великого». Если в ряде работ современных исследователей при изучении перипетий данного периода использовали, наряду с архивными материалами, в основном – литературу советского периода, то в монографии И.В.Курукина источником информации являлись обстоятельные работы современных историков, в которых разбирались различные аспекты пребывания российских войск в Прикаспии, что позволяет нагляднее и глубже интерпретировать значимость данной кампании. Автор исходит из справедливого признания прикаспийского похода масштабной попыткой реализации имперских задач внешней политики России на Востоке, подчёркивает, что он стал началом «длительного процесса присоединения Кавказа» [3, с.9,10].

В «Историческом сборнике» под редакцией В.В.Каллаша подчёркивается особая важность Кавказа для России и отмечается, что «этот поход (прикаспийский поход Петра I - М.И.) при всей своей эпизодичности, был в сущности попыткой разрешения крупного политического вопроса, который давно уже занимал Петра I» [5, с.178]. А в работе Я.Гордина, где можно встретить интересные и важные размышления по поводу политики России в Южном Кавказе в изучаемый период, автор отличает прикаспийский поход Петра I от ранних набегов русских тем, что, этот поход, по его мнению, явился составляющей «обширной и последовательной, хотя и вполне утопичной, завоевательной программы» [6, с.42].

Следует отметить, что красной нитью в работах современных исследователей проходит признание экспансионистского характера похода России в прикаспийские области. Большинство авторов верно представляют окончание Северной войны точкой «отсчёта»: победоносная война со Швецией «развязала руки» Российского государства и послужила фактором, ускорившим наступление на Южный Кавказ, в частности – в Азербайджан [4, с.39, 73; 1, с.24].

Исследователь И.В.Бочарников связывает этот момент ещё и с обретением Россией статуса империи (1721 г.) и с тем, что внешняя политика Петра I «наделена уже имперскими чертами» [7, с.16; 8, с.105]. Забегая вперёд отметим, что авторы, изучающие историю внешней политики Российского государства в начале XIX в., рассматривают как продолжение именно этой имперской политики стремление царизма не только к перераспределению сфер влияния в Европе, но и захвату новых земель на Востоке [9, с.18,20].

Геостратегическое положение Азербайджана, как и всего Кавказа, в работах исследователей уместно выставляется важнейшим аспектом, определившим характер политики России в данном регионе.

Авторы единодушны в определении целей политики России как в целом на Кавказе, так и в Азербайджане в частности, – овладение и контроль над важнейшими торговыми путями, соединявшими Европу с Азией [7, с.4]. Тем самым объективно показана мотивация вовлечения данного региона с начала XVIII в. в сферу российской политики.

Авторы твёрдо убеждены, что Петр I рассматривал данный регион в качестве плацдарма на пути к овладению богатствами Индии и Китая. Говоря конкретно о цели, которую Россия пыталась достичь в ходе XVIII столетия, начиная с Прикаспийского похода, авторы приоритетной считают установление торговли с Индией [4, с.39,45; 6, с.42].

Так, авторы обобщённого труда «История России XVIII-XIX веков» связывают начало Прикаспийского похода с открывшимися для России после заключения Ништадского мира,* возможностями стать страной транзитной торговли с Востоком, в частности – с Индией [8, с.105].

Следует отметить, что не только освещаемые в работах цели и задачи, но и рассматриваемые в них предпосылки похода также раскрывают определяющую роль территории Азербайджана в политике России. В ранее упомянутом труде Курукина обстоятельно освещена деятельность посольства А. Волынского, рассмотрены торговые интересы Петра I в Южном Кавказе, принятие им мер, направленных на изучение торговых путей на Каспии [4, с.23-40]; всё это помогло автору, обосновать предопределённость прикаспийского похода. В другой работе Курукина, специально посвящённой миссии А. Волынского, походный «Журнал» российского посланника назван важнейшим источником по истории Азербайджана начала XVIII века. Автор особое внимание уделил предписаниям Петра I Волынскому по сбору сведений об экономических и географических особенностях прикаспийских провинций, в том числе Азербайджана [4, с.43], так как именно в них кроется суть захватнической политики России в данном регионе.

В труды современных исследователей включён и вопрос об отношении Петра I к христианским народам – грузинам и армянам. Подчёркивая намерение последних соединиться с российскими войсками с целью овладеть азербайджанскими землями, Курукин указывает факторы, доказывающие нереальность их совместного выступления в этот

* Ништадский мир был заключён в 1721 г. после окончания Северной войны между Россией и Швецией.

период [3, с.69]. Однако в замыслы Петра I входило использование грузин и армян при осуществлении своей политики в Азербайджане [4, с.40].

В работе говорится о планах Петра I заменить коренных бакинских жителей «более лояльными подданными – христианами» – армянами и грузинами, рассматривая это, как единственную возможность с его стороны оказать помощь им против османского вторжения. Известная грамота Петра I армянскому народу от 10 ноября 1724 г. о создании условий для поселившихся армян [3, сс.130-131,294] является красноречивым свидетельством начала реализации Россией замысла создания христианской опоры в Южном Кавказе, в первую очередь в мусульманском Азербайджане, и обеспечения неуязвимости этого антитурецкого «буфера».

Раскрывая экономические и политические планы Петра I, авторы фактически обнажают экспансионистскую суть политики России в данном регионе.

Вместе с тем, они пытаются несколько завуалировать захватнический характер прикаспийского похода, указав на якобы добровольную уступку прикаспийских провинций шахским правительством, «не способным контролировать развитие ситуации в данных провинциях в целях недопущения турецкой оккупации» [7, с.16].

Следует отметить, что отказ шаха ратифицировать известный Петербургский договор (1723 г.), подписанный между Петром I и сефевидским посланником Исмаил беом о передаче России прикаспийских провинций отрицает элемент добровольности. Вместе с тем, можно согласиться с мнением историков Сотавова, Хадисовой, усматривавших за Петербургским договором стремление России не допустить османов к Каспию, и с этой целью – добиться от шаха добровольной уступки прикаспийских провинций [2, с.59].

С другой стороны, авторы объективно обосновывают главную доминанту в развитии южнокавказской политики России, а именно – предотвратить возможность прорыва османов к Каспию и обеспечить своё господство на Каспии для осуществления планов превращения России в страну транзитной торговли. При этом, выпячивается первостепенность геостратегического положения именно территории Азербайджана для контроля Российской империей прилегающих к региону территорий [7, с.3-4].

Авторы рассматривают факторы, обусловившие начало прикаспийского похода. Исследователей объединяет общность мнения о стремлении воспользоваться военно-политической нестабильностью в Сефевидском государстве, о чём свидетельствует антифеодальное и

антисефевидское движение во главе с Гаджи Давудом* [7, с.16; 3, с.42-43; 4, с.67-69; 1, с.24; 10, с.38-39]. Именно это восстание стало катализатором осуществления продвижения российских войск в прикаспийские области и дало повод для начала осуществления петровских планов относительно этих областей.

Неслучайно, в упоминаемом ранее сборнике кризисное состояние Сефевидского государства рассматривается как обстоятельство, сложившееся «очень благоприятно для политических видов Петра» [5, с.178-180]. Избранный Петром I повод** дал ему возможность оправдать вторжение якобы оказанием помощи шахскому правительству в восстановлении порядка, что авторы расценивают как метод, «который всегда был и остаётся шаблонным в предприятиях такого рода» [5, с.180].

Исследователь Курукин умело и глубоко раскрыл как имперские черты внешней политики России, так и кризис международных отношений в регионе [3, с.47].

Роль и место территории Азербайджана в геополитике России чётко определены в трудах современных исследователей. Так, в работе Бочарникова автор отмечает, что захват Россией прикаспийских областей выходит за рамки простой аннексии [7, с.16]. Здесь не только акцентируется на значимости овладения Россией таких крупных портов, как Дербент и Баку, но и делается исходящий из этого приобретения важный вывод о становлении Каспийского моря, практически, внутренним морем России, о его удельном весе «в целом для осуществления военно-политических акций в Закавказье» [7, с.17-18].

Более того, в рассматриваемых работах объективно территория Азербайджана, как и всего Южного Кавказа, представлена, как место соприкосновения интересов России, и прежде всего, Османской империи, являвшихся исторически традиционными соперниками. Совершенно правомерно авторы подчёркивают, что основной целью прикаспийского похода являлось стремление России предотвратить установление османами своего господства в данном регионе [7, с.13; 1, с.24; 8, с.105]. Через эту же призму исследователями разрабатывается и вопрос о религиозном факторе в геополитике России. Авторы верно отмечают, что именно Пётр I впервые обозначил большую значимость Кавказа в

* Известно, что в период захвата Шемахи – центра русской торговли восставшими в 1721 году были разграблены и убиты русские купцы. И.В.Бочарников. Указ. раб., с.16; И.В.Курукин. Персидский поход ..., с.42-43; его же. Артемий Волынский, с.67-69; А.Куликов, В.Рунов. Указ.раб., с.24; «Северный Кавказ в составе Российской империи». Москва, 2007, с.38-39.

** Имеется в виду разгром и убийство русских купцов восставшими при взятии Шемахи (1721 г.).

соперничестве России с Османской империей. Рассматривая этот регион как объект российской военной экспансии, именно Пётр I был первым российским правителем, использовавшим в антитурецкой борьбе христианские народы [7, с.18].

Говоря о серьёзной угрозе интересам России на Южном Кавказе со стороны Османской империи, авторы ранее упоминаемого обобщающего труда «История России...» подчёркивают, что российскую помощь ожидали не только армяне и грузины, но и прикаспийское население [8, с.105]. Таким образом, как и в большинстве трудов российской историографии, авторы неверно распространяют отношение христианских народов Южного Кавказа к России на всё население указанного региона, в том числе и на мусульманское.

Авторы объективно отмечают, что Россия проводила политику в данном регионе исходя, прежде всего, из своих интересов, но, при этом, оказывала покровительство грузинам и армянам, обещавшим оказать помощь царизму в борьбе против мусульманских держав [7, с.19].

В работах историков новой регенерации даётся оценка Стамбульского договора, хотя в некоторых случаях эта оценка ограничивается лишь вопросами разграничения владений России, Турции и Ирана в Южном Кавказе [7, с.19; 3, сс.101-105, 112]. К сожалению, в этих работах не показан захватнический несправедливый характер этого договора для южнокавказских народов, в том числе азербайджанского [11, с.83-84]. Ряд авторов говорят об Армении [7, с.19; 2, сс.58,59,60, и др.], хотя известно, что в рассматриваемый период история армянского народа должна рассматриваться вне территории Южного Кавказа. Свою государственность на Южном Кавказе создали армяне, переселённые Россией сюда после подписания в 1828 году Туркменчайского договора. Это означает, что говорить об Армении относительно начала XVIII века не корректно.

Особую важность представляет признание исследователем Курукиным, того факта, что оккупация Россией прикаспийских областей привела к тому, что мусульманские земли Ширвана и Гиляна «представляли собой разрезанные «по-живому» части относительно единой и древней социо-культурной общности» [3, с.113].

Утверждая, что Стамбульский договор 1724 года отрицательно повлиял на положение армян и грузин, Курукин выходом из сложившейся в то время ситуации считал переселение их в завоеванные иранские провинции [4, с.83].

И.В.Бочарников указывает, будто Османская империя восприняла «аннексированные Россией территории как добровольно уступленные шахом», а также отмечает, что прикаспийские провинции являлись

плацдармом, «отводившим угрозу от собственно российских территорий» [7, с.19,20].

Рассматривая в Петербургском и Стамбульском договорах пути разрешения российско-османского противоборства, исследователи Сотавов, Хадисова раскрывают свою позицию в отношении последствий Стамбульского договора, утверждая, что российско-османские противоречия в данном регионе этот договор не разрешил и они продолжали сохраняться [2, с.60].

Вместе с тем, важно отметить, что в работах исследователей особо подчёркиваются не только усилия обеих сторон – России и Османской империи для разрешения их противостояния, но и усилия заинтересованных в мире Англии и Франции [3, сс.104,105,112].

Следует отдать должное исследователю И.В.Курукину: он усмотрел причину пограничных конфликтов именно в установлении по Стамбульскому договору границ «разрезавших» исторически сложившиеся области [3, с.251].

Авторы единодушны в том, что Пётр I рассматривал данный регион, как источник сырья для российских мануфактур, его привлекали природные богатства Азербайджана, Петр I вынашивал планы по их освоению. Но возникает вопрос: в чём причина провала планов Петра, российского управления в прикаспийских провинциях? Так, Курукин считает, что планы Петра I опережали своё время и утверждал, что Россия «ещё не располагала экономическими возможностями для масштабного освоения заморских территорий» [3, с.41].

По мнению автора «... Петербург так и не стал главным перевалочным пунктом на пути восточного шёлка в Европу ...» [3, с.280], к неосуществлённым планам он относит и заселение «новополученных» провинций русскими и южнокавказскими христианами [3, с.302].

Курукин приводит также сведения об армянах и грузинах, указывая на то, что какая-то их часть (в том числе и освобождённые из плена в горах) оставались жить и служить в принадлежащих России прикаспийских провинциях, «но точное число таких поселенцев назвать вряд ли удастся – российское командование такого учёта не вело, тем более, что не все явившиеся в прикаспийские провинции там же и оставались ...» [3, с.302].

Освещая в своих работах непосредственно послепетровский период (до середины XVIII века) истории Российского государства, авторы верно характеризуют его, как время сдерживания военно-политических устремлений России в данном регионе, прослеживается процесс возвращения завоеванных Россией провинций Сефевидскому государству [7, с.20; 5, с.180].

Работы исследователей позволяют проследить действия российского двора и рассуждать от убыточности для России содержания прикаспийских провинций, а также путь, ведущий к известному Рештскому договору [3, с.325,330]. Авторы приходят к выводу, что преемники Петра I не желали тратить силы и средства на удержание прикаспийских провинций, считая это серьёзным отягощением для казны [1, с.30].

В российской историографии бытует мнение о том, что захват Россией прикаспийских земель был продиктован российско-османским соперничеством. Вместе с тем, авторы отмечают непрочность российского завоевания, что подтверждается положением в регионе после Петра I, в частности, потерей Россией большей части захваченных земель. В частности, обоснованно звучит следующий вывод о прикаспийском походе: «Персидский* поход был первым приступом к утверждению владычества в бассейне Каспийского моря, но результат его оказался эфемерным» [5, с.180].

Следует отметить, что авторы упоминаемого обобщающего труда среди отошедших к Османской империи согласно Стамбульскому договору земель, наряду с Грузией, называют и не существовавшую Армению [8, с.106], хотя известно, что в тот период на Южном Кавказе не было территории, компактно населённой армянами. Они, как известно, были переселены на эту территорию после Туркменчайского договора 1828 года [12, сс.375-379, 382-391, 395, 396-403, 405, и др.]. Вместе с тем, верно и объективно констатируется, что на тот период присутствие России в регионе носило временный характер, так как у царизма не было достаточной мощи «для прочных успехов на южных границах» [8, с.106].

В работах современных исследователей описан поиск Россией путей разрешения российско-османских противоречий в последующий период, дана оценка навыкам царизма ориентироваться в сложившейся расстановке сил. Авторы подчёркивают, что Россия отнюдь не отказалась, после вывода своих войск из Прикаспия, от такого лакомого куса, каким являлся Азербайджан, овладение которым, как и всем Южным Кавказом, оставалось в захватнических планах Российской империи. Последующие события явились ярким тому подтверждением.

Рассматривая условия подписания Рештского договора (1732 г.), авторы подмечают, что Россия делала ставку на Надира Афшара в деле реализации антитурецкого заслона [2, с.60; 3, с.325-327].

* Ряд российских исследователей называли прикаспийский поход «персидским».

Подтверждением служат и размышления об известном Гянджинском договоре* (1735 г.). Чётко указав среди причин уступки Прикаспия Сефевидам и вывода российских войск опасения царизма по поводу заключения антироссийского ирано-турецкого союза на Востоке, авторы, вместе с тем, утверждают, что российский двор питал надежды превратить Сефевидское государство «из потенциального противника в своего союзника» [2, с.61]. В связи с этим историки делают акцент на обязательном условии Гянджинского договора о запрещении передачи прикаспийских провинций Османскому государству, что также является ярким показом вышесказанного [2, с.61; 8, с.206].

Особенную ценность представляет то, что они подвергли события, связанные с политикой России в Прикаспии в 20-30-е годы XVIII века, повторному анализу с учётом современных реалий. Вместе с тем, вызывает серьёзное сомнение верность их мнения о том, что Гянджинский договор представлял собой «отказ «онемеченных» бироновских правителей России от петровской политики покровительства народам Кавказа» [2, с.61; 8, с.206]. Здесь сталкиваешься с доминирующим ещё в советской историографии подходом к вопросу о, якобы, спасительной миссии России в отношении южнокавказских народов. Это особенно очевидно, если принять во внимание, что прикаспийские области были населены в основном мусульманами, что Россия преследовала здесь, прежде всего, свои собственные интересы, а её политика носила захватнический характер.

В целом, авторы признают правильность принятого российским двором решения о выводе войск из прикаспийских провинций, справедливо считая этот шаг избавлением от неоправданных затрат людских и денежных ресурсов, аргументированно обосновывают необходимость уступки территорий шаху захватническими устремлениями и действиями Османского государства в указанном регионе [3, с.355; 1, с.32]. Неоспоримо верным является утверждение, что возвращение Россией занятых территорий Сефевидскому государству, следует расценивать как «редко встречающийся в истории акт» [8, с.205-206]. При этом определённое место авторы уделили политике поощрения и поддержки Османской империи европейскими государствами – Англией и Францией [8, с.205-206]. Существует также мнение, что одной из причин возвращения прикаспийских земель является отсутствие равных Петру I государственных деятелей среди его преемников [13, сс.102-103,106].

* Согласно условиям Гянджинского договора, заключённого в 1735 г. между Сефевидским государством и Россией, российские войска полностью оставили захваченные прикаспийские земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Куликов, В.Рунов. Все кавказские войны России. Самая полная энциклопедия. Яуза, Эксмо, Москва, 2013.
2. Н.Сотавов, С.Хадисова. Прикаспийские области в международной политике эпохи Петра I и Надир – шаха Афшара. – Вестник Института истории, археологии и этнографии, №2, 2005.
3. И.В.Курукин. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735 гг.). – Москва, Квадрига, Объединённая редакция МВД России, 2010.
4. Его же. Артемий Волынский. Москва. Молодая гвардия, 2011.
5. «Три века. Россия от смуты до нашего времени». – Исторический сборник под ред. В.В.Каллаша. Т.3. XVIII век. Первая половина. Москва. «Патриот», 1992.
6. Я.Гордин. Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX века. Санкт-Петербург, 2000.
7. И.В.Бочарников. Кавказская политика России в X-XX веках. Москва. Экон-информ, 2013.
8. «История России XVIII-XIX веков». Под ред. Л.В.Милова. Москва. Эксмо, 2006.
9. «История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.)». Москва. Международные отношения, 1999.
10. «Северный Кавказ в составе Российской империи». – Москва, 2007.
11. Т.Т.Мустафазаде. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, Элм. 1993.
12. «Иреванское ханство: российское завоевание и переселение армян на земли Северного Азербайджана». Коллективная монография под ред. проф. Я.Махмудова. – Баку, Şərq-Qərб, 2010.
13. А.В.Шишов. Схватка за Кавказ XVI-XX вв. Москва, 2005.